

LITERATUR IN DEN SPRACHEN BERLINS 2024

Анна Меликова

**Песни из царства мертвых
(отрывок)**

Год, пожалуй, был неважен. Скорее – время. Время этого года. Весна. Природа снова создавала иллюзию, будто игра стоит свеч. Будто пламя свечи никогда не угаснет. Возрождённая жизнь застынет и не исчезнет. Ничто не умрёт. До всего, казалось, есть дело. Во всём хотелось идти до конца. Всё цвело.

Я нашла его случайно.

А. работал переводчиком. Хотя правильнее было бы сказать, что он просто переводил. Не работая. Слово «работа» чувствовало себя неуютно рядом с ним. А. презирал работу за её универсальную необходимость и отупляющий эффект, так он говорил. И поэтому переводил, не работая. Он занимался

исключительно умершими французскими писателями и исключительно теми, кого он мог бы полюбить, если бы судьба сложилась иначе, если бы они дожили, если бы он успел уехать во Францию, если бы никто не опоздал, никто не поторопился, если бы не произошло то, что происходит всегда. Переводя, он накапливал у себя в квартире всё, что имело к ним то или иное отношение: фотографии их домов и любовников, списки издательств, воспоминания близких, предсмертные записки, последние слова, аудиозаписи голосов, портреты, похожие кольца. Его переводы были единственно возможным актом любви. О читателе он не думал никогда. Незнакомый третий в любовных отношениях – кому это понравится? И всё же, когда я, случайно найдя его адрес, впервые ему написала, что хотела бы получить переведённый им роман раньше, чем тот выйдет в свет – безумие белых богатых французов под палящим солнцем нищей, пахнущей илом и шафраном Калькутты, нескончаемая песня, звучащая на страницах навязчивым рефреном, ожидания крика, – он ответил. Ответил что-то про свежую рукопись с внесёнными вручную пометками и предложил встретиться, чтобы отдать распечатанный текст лично и посмотреть в лицо тому, кому так не терпелось продолжить любить его главный предмет преклонения, которому он посвятил весь предыдущий год своей жизни. Это случилось весной. Стало можно ходить. Не куда-то, а просто. Вышагивать то, о чём не хотелось рассказывать.

Мы встретились при свете дня у выхода метро Кузнецкий мост. Первое столкновение лиц стало последней беззастенчивостью. После мы начнём прятаться: сначала – в тень, потом – в сумерки, затем – в ночную безвидимость. По углам, тёмным кафе, позже – старым квартирам, в которых я буду хмелеть раньше, чем начинать его разглядывать. Кратковременная трезвость ставила запреты. Вино, словно вода из Леты, их смывало, стирало память, творило другую реальность, ту, где мы, возможно, имели другое прошлое. Другие имена. Лица. Обстоятельства. В сущности, я его почти не помнила. Не знала, как он выглядит. Долгое время тот общий образ, который он успел оставить при дневном свете после первой встречи – высокий, худощавый, светлые волосы,

чёрная одежда, лёгкое позёрство,- был для меня самым чётким, ясным, увиденным глазами чужака, не моими, а значит, фальшивым. Когда кто-то произносил при мне его имя, я представляла именно тот первый образ. Когда я думала о нём наедине с собой, я видела темноту. Он же, отметив сразу, что у меня голубые глаза, черные волосы, стал повторять это каждый раз. Каждый раз я пыталась спорить, что глаза мои скорее зеленые, а волосы — каштановые. Но он упорствовал, и я сдалась. Да, у меня были голубые глаза, черные волосы. Как и в книге Дюрас, которую он переводил.

Поначалу никаких признаков смерти (в отличие от признаков жизни) А. не подавал. Напротив. Когда мы с ним только познакомились, он проявлял крайнюю заинтересованность во всём. Он мог часами перечислять то, что любил. Говорить о вызванных ощущениях. О следовавших за ними размышлениях. Объяснять разницу между русским и французским языками. Протягивать мне гербарий своей памяти, который на моих глазах оживал и снова наполнялся запахами. Вдохните, говорил он. Чувствуете? Это запах багульника. Когда-нибудь Вы поймёте, что значили для меня эти веточки. Потом он стал присылать фотографии с кладбищ, чужих могил, мох, развалины, отломанные крылья ангелов, накренившиеся кресты. Рассказывать истории о дряхлых старушках с длинными седыми волосами. Ставить забытые арии. Показывать старые, никому не нужные дома, заброшенные, почти умершие. Наслаждаться тленом. Но всё это так, мимоходом, мимоделом – упомянутое, нечаянно проскочившее, всплывшее, всегда сопровождаемое шутками, которые должны были убедить в несерьёзности всего происходящего. Смеялся он много. Даже чересчур. Тем смехом, который может доноситься только с иного берега. С берега, где нечего терять, где всё уже отнято. И вот эта нищета, эта невозможность любой потери, обесмысливание любой случайной кражи – всё это вызывало в нём беспробудное веселье. Звонкое эхо в пустом пространстве – так звучал его смех.

Иногда смех становился общим. Например, в тот момент, когда мы выяснили, что оба были увлечены одними и теми же известными женщинами. Красивыми, далёкими, невозможными. Я хотела их любить, он хотел ими быть. Быть для себя и для тех мужчин, которых он любил. Привычную направленность наших чувств мы скрывали друг от друга недолго. То, что в нас обоих была тяга к своему собственному, сразу же нас сблизило. Исключив между собой опасность любовных страстей, мы стали предельно откровенны друг с другом. Рассказывали о своих переживаниях без утаиваний, без прикрытий, без полунамёков. Делились тем, что можно произносить только наедине и шёпотом. Подступали к пределам допустимого, иногда проникая за... Постепенно смех стал раздаваться реже. И ещё реже. Появилось что-то, что стало страшно терять.